

Шарлотта Эйзинбург

МАЖОР

Сыграй мою невесту

Шарлотта Эйзинбург

Мажор. Сыграй мою невесту

<https://litres.ru/74435912>

Аннотация

Он — заносчивый мажор и наследник строительной империи, бегущий от навязанного брака по расчету. Она — гордая сирота-архитектор, у которой украли грант, жизненно необходимый для спасения больной бабушки.

Когда Вера пытается выкрасть доказательства обмана, её ловит Давид и ставит жёсткое условие. Она должна сыграть роль его безумно влюблённой девушки перед строгим отцом-диктатором, а он взамен поможет вернуть ей деньги.

Это была просто циничная сделка ради взаимной выгоды без всяких чувств. Но что делать, если фальшивый спектакль внезапно выходит из-под контроля, а колючая «мышка» становится для мажора самым важным человеком в жизни?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	29
Глава 7	34
Глава 8	39
Глава 9	49
Глава 10	53
Глава 11	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Глава 1

— Вера, ну куда ты вскочила? Ешь давай, горячие же. С пылу с жару.

Бабушкин голос звучит обиженно. Она стоит у плиты в своем стареньком фланелевом халате, который видел, наверное, еще Брежнева, и ловко поддевает лопаткой ажурный блинчик.

В кухне пахнет жареным маслом и ванилью. Запах детства. Запах безопасности. Только вот безопасности в моей жизни нет уже четыре года.

— Ба, я опаздываю, — я на ходу запихиваю в сумку тубус с чертежами.

— Без завтрака не выпущу, — бабушка ставит передо мной тарелку. Края у блинов подгорелые, как я люблю. — На тебя смотреть страшно. Одни глаза да скулы. В чем только душа держится?

Я вздыхаю, падаю на табуретку и цепляю блин вилкой. Спорить бесполезно. Зоя Ивановна — кремень. Именно этот кремень вытащил меня из черной депрессии, когда мне было пятнадцать.

Четыре года назад звонок с незнакомого номера разделил жизнь на «до» и «после». «Ваши родители погибли мгновенно. Фура выехала на встречную...». Дальше — туман. Похороны, опека, тетки из соцзащиты, которые хотели сдать меня

в интернат, потому что у бабушки пенсия — курам на смех, а возраст — «группа риска».

Но бабушка отбила. Выгрызла меня у государства. И теперь я здесь. Мне девятнадцать, я на третьем курсе архитектурного, и я чертовски хочу спать.

— Вкусно? — она улыбается, и вокруг глаз собирается веер добрых морщинок.

— Очень, Ба. Ты у меня волшебница.

Она тянется, чтобы поправить мне выбившуюся прядь, и вдруг замирает. Улыбка сползает с лица, сменяясь гримасой боли. Рука, которая только что держала лопатку, судорожно хватается за грудь, комкая ткань халата.

— Ба?! — я подрываюсь так резко, что табуретка с грохотом падает на пол. — Бабушка!

Подхватываю её под локоть, чувствуя, какая она хрупкая. Легкая, как птичка. Слишком легкая.

— Ничего... ничего, Верочка... — шепчет она, бледнея на глазах. Губы синеют. — Сейчас... отпустит.

Я тащу её к диванчику, усаживаю, трясущимися руками шарю по полке в поисках таблеток.

— Где они? Где таблетки?

— Там... в аптечке...

Я нахожу пузырек, вытряхиваю таблетку ей под язык. Сажусь рядом на корточки, сжимаю её холодную ладонь и считаю секунды. Раз. Два. Три.

Стеноз клапана. Сердце работает на износ. Врачи в нашей

поликлинике только разводят руками: «Возраст, голубушка, что вы хотите?». В областной сказали прямо: нужна операция. Замена клапана. Но квоту ждать года два, и бабушка её просто не дождется. А платно — это огромные деньги для нас.

— Ну вот, — выдыхает она через минуту, краска чуть-чуть возвращается на щеки. — Отпустило. Ты не пугайся так, внуча. Подумаешь, кольнуло. Погода меняется.

Я утыкаюсь лбом ей в колени, чтобы она не видела моих злых слез. Какая к черту погода?

— Я сегодня задержусь, — говорю глухо, не поднимая головы.

— Опять в свою типографию? — в её голосе слышится укор. — Вера, тебе учиться надо, ты же архитектор, а не печатный станок.

— Там платят, Ба. И мне не сложно.

Сложно. После пар я бегу в копицентр «Формат» возле универа и до ночи стою у плоттеров, дыша краской и озоном. Распечатываю курсачи ленивым идиотам, которые даже не знают, как настроить масштаб в Автокаде. Иногда правлю им чертежи за доплату. Глаза к вечеру вытекают, спина ноет, но это дает нам возможность покупать бабушке хорошие лекарства. Не те, что выписывают бесплатно, а те, что реально помогают.

— Я выиграю этот грант, Ба, — шепчу я, поднимаясь и целуя её в макушку. — Вот увидишь. Конкурс молодых ар-

хитекторов. Главный приз — полмиллиона.

— Дались тебе эти деньги... — ворчит она, но я вижу, что ей приятно. Она гордится.

Я доедаю остывший блин, запиваю холодным чаем и вылетаю в подъезд.

На улице серый ноябрь. Ветер швыряет в лицо мокрую крупу — то ли снег, то ли дождь. Я плотнее кутаюсь в пальто, которое уже два сезона как вышло из моды (да и черт с ней), и быстрым шагом иду к остановке.

Грант. Это мое единственное спасение. Я готовила проект полгода. «Реновация промышленных зон в социальное пространство». Звучит скучно, но выглядит — бомба. Я вложила в эти чертежи всю свою злость на серую реальность, всю мечту о том, как должно быть красиво.

Автобус подъезжает, набитый битком, как консервная банка килькой. Я втискиваюсь внутрь, прижимая к себе драгоценный тубус. Вокруг толкаются, кто-то наступает мне на ногу, пахнет мокрой шерстью и перегаром.

Обычное утро. Обычная жизнь девочки-невидимки, у которой нет права на ошибку.

Глава 2

Солнечный луч нагло пробивается сквозь щель в блэкаут-шторах и бьет прямо по глазам.

Я со стоном зарываюсь лицом в прохладную шелковую наволочку. Тело тяжелое, расслабленное после вчерашней тренировки и пары бокалов виски на ночь. Никаких будильников. Никакой спешки. Мое утро начинается тогда, когда я этого захочу.

Лениво тянусь рукой к тумбочке, нащупываю холодный титановый корпус последнего айфона. Протираю глаза кулаками, жмурясь от яркого экрана.

Экран забит уведомлениями, как табло в аэропорту. Мой личный курятник уже проснулся и жаждет внимания.

Лена: «Привет, малыш ## Я так соскучилась... Сегодня не хочешь встретиться? Обещаю, будет жарко ##».

Алина: «Давид, я тут купила новое нижнее белье. Как думаешь, мне идет этот цвет?» — и ниже прикреплено фото, где кружевных ниточек меньше, чем смысла в её дипломе.

Кристина: «Приве-е-ет! Завтра у меня день рождения! ## Ты же придешь?»

Блокирую экран и отбрасываю телефон на кровать. Как же вы все достали. Одинаковые губы, одинаковые мысли, одинаковое желание присосаться к моему кошельку и фамилии. Хоть бы одна зацепила мозгами, а не только задницей. Чест-

ное слово, хочется простого человеческого спокойствия.

Спускаюсь на первый этаж нашей загородной резиденции. В огромной столовой, залитой светом, пахнет свежемолотым кофе и чем-то ванильным.

Атмосфера — чисто рекламный ролик идеальной семьи. Мама, в безупречном шелковом халате, стоя у кухонного острова, элегантно переворачивает сырники на сковороде — её новый бзик по «домашнему уюту». Мелкая, пятнадцатилетняя сестра Рита, сидит за барной стойкой, уткнувшись в планшет и громко лопаая пузыри из жвачки. Та еще стервочка растет.

А во главе стола — монумент. Мой отец.

Он неспеша потягивает эспresso, просматривая котировки акций на айпаде. Никаких домашних треников — на нем уже идеально выглаженная рубашка и брюки.

— Доброе утро, семья, — бросаю я, падая на стул. Двигаю к себе стакан со свежавыжатым апельсиновым соком.

— Для кого доброе, а для кого — время перестать играть в песочнице, Давид, — не отрывая взгляда от экрана, чеканит отец.

Началось. Я едва сдерживаю закатывание глаз и делаю долгий глоток.

— Пап, я учусь на архитектурном, закрываю сессии без твоих звонков ректору. В какую песочницу я играю?

Отец откладывает планшет. Его взгляд, тяжелый и холодный, как гранитная плита, упирается в меня.

— В ту, где ты меняешь девиц чаще, чем резину на своем Порше. Но с этим покончено. Мы находимся на финальной стадии слияния с холдингом Волкова. Это монополия на рынке недвижимости, Давид. И чтобы Волков пустил нас в свои госзаказы, ему нужна железобетонная гарантия. Семья.

Он делает паузу, берет чашку с кофе и будничным тоном роняет:

— Ты женишься на Еве Волковой.

Я давлюсь соком. Кашляю, отставляя стакан так резко, что оранжевые капли летят на белоснежную скатерть.

— На Еве?! — хриплю я. — Серьезно? Да она же как гипсокартон! Плоская, скучная и абсолютно искусственная. Я с ней от тоски сдохну в первый же месяц! Мы в каком веке живем — династические браки устраивать?

— В веке больших денег, сын, — холодно отрезает отец. — Мне плевать на твою тоску. Слияние удвоит наши активы. Ева из нужной семьи, образованна, послушна. Идеальная партия для будущего гендиректора.

Внутри вскипает глухая злость. Я терпеть не могу, когда за меня всё решают. Особенно — с кем мне ложиться в постель и просыпаться каждое утро. Мозг лихорадочно ищет выход. Любой повод послать этот брак к черту.

— Опоздал, отец.

Я откидываюсь на спинку стула, закидывая ногу на ногу и выдаю свою самую дерзкую, уверенную ухмылку.

— У меня уже есть девушка. И, представь себе, я её люб-

лю. Так что отбой с твоей деревянной Евой.

В столовой повисает звенящая тишина. Рита перестает жевать жвачку, во все глаза глядя на меня. Мама замирает с лопаткой над сковородой.

А отец... Отец вдруг начинает смеяться.

Это не веселый смех. Это низкий, рокочущий звук, полный абсолютного, чистого презрения. Он смеется так, словно я только что рассказал ему самый тупой анекдот в мире.

— Любовь? — он вытирает невидимую слезу в уголке глаза. — Ты хоть знаешь, как это слово пишется, Ромео? Кто она? Очередная губастая кукла из клуба? Модель из Инстаграма, которая не знает таблицу умножения, зато знает, как широко раздвигать ноги?

— Нет, — я стискиваю зубы, чувствуя, как сам загоняю себя в угол, но отступать уже поздно. — Она... она с моего потока. Будущий архитектор. Умная, серьезная девушка. Не то что ваши светские пустышки с накачанными задницами. Она сама пробивает себе дорогу.

Отец прищуривается. Веселье мгновенно исчезает с его лица, сменяясь хищным интересом. Он чует блеф. Мой старик всегда чует блеф.

— Вот как? Умная? Архитектор? — он медленно кивает. — Отлично. Послезавтра вечером у нас семейный ужин. Приводи свою ненаглядную. Познакомимся.

Он наклоняется вперед, опираясь мощными руками о стол:

— Но учти, Давид. Если ты притащишь очередную силиконовую эскортницу, которую нанял на вечер... Если она не отличит барокко от рококо и не сможет поддержать со мной светскую беседу о девелопменте... В понедельник ты идешь в ресторан с Евой, а потом мы назначаем дату свадьбы. И это не обсуждается.

Мат. Шах и гребаный мат.

Спустя час я выруливаю на парковку университета. Черный матовый Порше глухо рычит, распугивая первокурсников. Я злой, как черт. Где мне до завтрашнего вечера найти нормальную, адекватную, умную девушку, которая согласится сыграть этот спектакль и не спалиться перед отцом?!

Резко выворачиваю руль, чтобы занять свободное место у входа, и тут по тормозам приходится бить так, что визжит резина.

Прямо перед капотом, застыв как олень в свете фар, стоит девчонка.

Сердце ухает куда-то в желудок от испуга, а потом возвращается обратно диким раздражением.

— Куда прешь, бессмертная?! — ору я, приоткрыв окно.

Она вздрагивает. Закутанная в какое-то безразмерное, растянутое пальто, на шее — дурацкий объемный шарф, в который она чуть ли не носом зарыта. К груди, как спасательный круг, прижимает черный пластиковый тубус.

Но когда она поднимает голову... Блин.

Глаза. Огромные, какие-то потерянные, прозрачно-синие.

В них столько усталости и затравленности, что мой гнев на секунду дает сбой. Она смотрит на меня мгновение, потом плотнее перехватывает свой тубус и, не сказав ни слова, быстро семенит к крыльцу универа, сливаясь с толпой студентов.

Какая-то мышка с архитектурного. Даже имени её не знаю.

Я глушу мотор, выдыхаю, проводя рукой по волосам.

— Дави-и-ид!

Цок-цок-цок. Звук шпилек по асфальту бьет по ушам сильнее перфоратора.

Поворачиваю голову. К моей машине, радостно виляя бедрами в обтягивающем мини, летит Кристина. Губы уточкой, грудь вперед, в глазах — пустота и жажда наживы.

Господи. Опять.

Глава 3

Ветер пронизывает до костей, пока я бреду к главному входу. В голове крутятся схемы, чертежи и одна-единственная мысль: только бы дали грант. Только бы вырваться из этой нищеты и оплатить бабушке операцию.

Визг тормозов бьет по ушам так резко, что я едва не роняю тубус в грязную лужу.

Черный матовый «Порше» останавливается в миллиметре от моих коленей. Сердце делает дикий кульбит и застревает где-то в горле. Я замираю, как тупая овечка перед бойней.

Тонированное стекло плавно ползет вниз, и на меня обрушивается рык:

— Куда прешь, бессмертная?!

Давид Монахов.

Ну, конечно. Кто еще мог чуть не размазать меня по асфальту прямо на парковке универа? Наследник строительной империи, местный царек и просто эталонный мудака.

Он сидит за рулем, вальяжно откинувшись на кожаное сиденье. Темные волосы небрежно растрепаны, на острых скулах играет желвак. Взгляд такой, словно я — налипшая на его дорогушую шину жвачка. Красивый до одури, наглый ублюдок, который привык, что мир раздвигает перед ним ноги по щелчку пальцев.

Я глотаю ком в горле. Хочется плюнуть ему на капот, но

вместо этого я крепче прижимаю к груди пластиковый тубус со своим проектом и, не сказав ни слова, быстро обхожу машину, сливаясь с толпой.

Бежать. Подальше от таких, как он.

Уже на крыльце меня перехватывает за локоть Лора.

— Боже, Верка! Ты совсем с катушек слетела — под колеса Монахову кидаться? — подруга округляет глаза, стряхивая снежную крупу с моего растянутого пальто.

— Он сам вылетел из-за поворота, — огрызаюсь я, пытаюсь унять мерзкую дрожь в руках. — Урод с купленными правами.

— Зато какой урод... — мечтательно тянет Лора, провожая взглядом черную тачку. — Ты видела его бицепсы? А задницу?

— Лор, меня сейчас стошнит.

— Ой, да ну тебя, монашка! — она пихает меня в бок. — Ты лучше скажи, как настрой? После обеда вывешят списки по гранту!

Желудок сводит спазмом.

— Боюсь, Лор. До одури боюсь. Если я не получу эти пол-миллиона, я не знаю, как мы с бабушкой вытянем.

На паре по сопромату я не могу сосредоточиться. Черчу какие-то бессмысленные линии в тетради. Звенит звонок, и я не успеваю даже собрать вещи, как над моей партой нависает облако тяжелых, приторно-сладких духов.

Кристина.

Губы накачаны так, что вот-вот лопнут, ресницы достают до бровей, а декольте блузки нарушает все мыслимые правила приличия.

— Приветик, сиротка, — тянет она, накручивая на палец осветленную прядь. — Агентство подтвердило твою кандидатуру. Завтра в шесть вечера жду в моем доме. Униформа — черный низ, белый верх. И ради бога, вымой голову. У меня будут приличные люди.

Мои ногти впиваются в ладони так сильно, что становится больно.

— Я буду вовремя, — ровным голосом отвечаю я.

Кристина победно ухмыляется и, цокая шпильками, выплывает из аудитории.

Лора, сидевшая рядом, с шумом выдыхает:

— Бляха-муха, Вера! Ты серьезно? Ты идешь к этой силиконовой швабре в прислуги на день рождения?

— Лор, мне нужны деньги. Любые.

— Но не к ней же! Там же соберется вся эта элита, все эти мажоры. Монахов этот твой любимый наверняка припрется. Они же тебя с дерьмом сожрут ради веселья! Это гадость!

— Замолчи, — резко обрываю я, закидывая тубус на плечо. — Мне плевать на них. У бабули пенсии едва на еду хватает. Я работаю в вонючей типографии, чтобы купить ей нормальные таблетки, и, если мне нужно будет таскать подносы с шампанским перед кучкой зажравшихся идиотов за тройной тариф — я буду это делать. Все, тема закрыта. Пошли

смотреть списки.

Глава 4

В коридоре возле деканата не протолкнуться. Гул стоит такой, что закладывает уши. Студенты галдят, смеются, толкаются локтями, пытаюсь пробиться к пробковой доске, на которой только что вывесили белый лист А4.

Всего один лист. Список победителей.

Мои ладони потные и ледяные одновременно. Сердце колотится где-то в горле, перекрывая кислород.

— Давай, Верка, пошли! — Лора хватает меня за руку и тянет сквозь толпу, работая плечами как ледокол. — Расступитесь, архитектурная элита!

Каждый шаг дается с трудом. Ноги ватные. Я столько ночей не спала, столько раз переделывала этот проект. Полмиллиона рублей. Это бабушкина операция. Это её жизнь. Моя работа идеальна, комиссия на защите кивала и улыбалась...

Мы пробиваемся в первый ряд.

Я поднимаю глаза. Строчки прыгают, расплываясь перед глазами. Фокусируюсь.

«Грант первой степени на реализацию архитектурного проекта "Реновация..."»

Имя. Мне нужно имя.

«...присуждается студентке 3 курса: Кристине Волконской».

Время останавливается. Звуки исчезают, словно кто-то

нажал на кнопку «Mute».

Волконская.

Кристина.

Она даже масштабную линейку в руках держать не умеет. Её предел — нарисовать ровный квадрат в тетради в клеточку.

Грудину сдавливает стальным обручем. Я делаю судорожный вдох, но воздух не поступает в легкие. Темнота начинается сгущаться по краям зрения.

— В-вера? — голос Лоры пробивается сквозь вату. — Вер, ты чего? Эй, посмотри на меня! Да они там все охренели! Да мы апелляцию подадим!

Меня начинает трясти. Крупной, жалкой дрожью. Слезы, горячие и злые, уже обжигают глаза. Нет. Не здесь. Только не при всех этих людях.

Я вырываю руку и, развернувшись, бросаюсь прочь.

— Вера! Стой! — кричит Лора, но я уже ничего не слышу.

Я несусь по коридору, сбивая кого-то плечом, чудом не роняя тубус. Желудок скручивает тошнотой. Врываюсь в женский туалет на этаже, не глядя на табличку, с размаху толкаю тяжелую дверь и влетаю внутрь.

— Твою мать... — вырывается у меня хриплый шепот.

Забываю о тошноте. Забываю, как дышать.

Прямо на мраморной столешнице между раковинами сидит Кристина. Её юбка задрана до неприличия высоко, оголяя бедра в сетчатых колготках. А между её коленей стоит

он. Давид Монахов.

Его большие, жилистые руки собственнически сжимают её талию. Кристина виснет на его шее, как припадочная пьявка, и жадно целует, размазывая свою дорогую помаду.

Они отрываются друг от друга на звук ударившейся о стену двери.

Кристина тяжело дышит, её глаза блестят. Она поворачивает голову, и её лицо мгновенно кривится в презрительной усмешке.

— Ой, какие люди, — мурлычет она, спрыгивая с раковины и поправляя блузку. — Сиротка прибежала поплакать?

Монахов медленно оборачивается. Встречается со мной взглядом. Он сканирует мое растянутое пальто, дурацкий шарф, тубус, в который я вцепилась побелевшими пальцами.

Он лениво вытирает смазанную помаду с уголка губ большим пальцем.

— Кабинкой ошиблась? — хмыкает он, его голос низкий, с хрипотцой, от которой по спине пробегает неприятный холодок.

— Искала место, где не так воняет фальшивкой, — выплевываю я, стараясь, чтобы голос не дрожал. Получается жалко, потому что по щеке все-таки предательски катится слеза.

Кристина звонко, искусственно смеется.

— Не завидуй, мышка. Видела списки? Я же говорила, что мой проект гениален. Комиссия была в восторге. А ты и дальше рисуй свои убогие сарайчики для бедных.

— Твой проект? — я нервно смеюсь, вытирая мокрые щеки тыльной стороной ладони. — Кристина, ты не отличишь несущую стену от гипсокартона. Ты купила этот грант!

— Докажи, — она хищно щурится, подходя ко мне на шаг. — Никто тебе не поверит, Верочка. Ты — никто. А я — победительница. Иди мой голову, обслуга. Завтра у тебя много работы.

Она цепляет Монахова за рукав рубашки.

— Пойдем, Давид. Тут атмосфера испортилась. Нищетой пахнет.

Он не двигается с места еще секунду. Сверлит меня своим тяжелым, нечитаемым взглядом. Видит мои слезы. Видит, как меня трясет от бессилия. А потом молча отворачивается и выходит за ней следом.

Дверь плавно закрывается.

Я сползаю по стене прямо на кафельный пол. Обхватываю колени руками и наконец даю волю слезам. Вою в голос, кусая губы до крови.

Всё кончено. Бабушка... Господи, что мне делать?

Я сижу так минут десять. Слезы высыхают, оставляя на лице стянутую, соленую корку. И тут внутри, сквозь черное отчаяние, начинает пробиваться злость. Горячая, обжигающая, настоящая ярость.

«Докажи», — сказала эта силиконовая швабра.

Она права. Словами я ничего не добыю. Но Кристина тупая. Настолько тупая, что наверняка оставила все исход-

ники, переписки с реальным архитектором или файлы с настоящими датами создания на своем личном макбуке.

Я медленно поднимаюсь с пола, вытирая лицо холодной водой из-под крана. Смотрю на свое отражение в зеркале. Красные глаза, впалые щеки.

Завтра я буду в её доме. Завтра я буду расставлять тарталетки и наливать шампанское в идеальном логове врага. И пока все эти мажоры, включая ублюдка Монахова, будут напиваться у бассейна... я найду её ноутбук.

Я найду доказательства. И я уничтожу её.

Глава 5

— ...таким образом, корбюзиянская архитектура диктует нам пять отправных точек...

Монотонный голос престарелого профессора по истории архитектуры убаюкивает похлеще снотворного. До конца пары еще минут десять, а я уже готов лезть на стену от скуки.

Откинувшись на спинку скамьи на галёрке, я бездумно свайпаю профили в приложении для знакомств. Влево. Влево. Опять влево. Одинаковые утиные губы, выверенные ракурсы, перекачанные задницы и цитаты Ницше в профиле с ошибками. Тоска зеленая.

— Чего морщишься, брат? — шепчет сидящий рядом Тёма, заглядывая в мой экран. — Ищешь новую чикку? А с Кристиной что, уже всё, отбой? Нормальная же вроде тема была.

— Волконская — это не тема, а головная боль с амбициями, — так же тихо отвечаю я, блокируя телефон.

— Молодые люди на последнем ряду! — тут же прилетает от препода. — Монахов, Морозов, если вам есть что добавить к принципам свободной планировки, прошу к доске!

Мы синхронно затыкаемся, изображая крайнюю степень вовлеченности в лекцию. Препод, удовлетворенно хмыкнув, отворачивается к интерактивной доске.

— Так что стряслось? — не унимается Тёма, понизив голос до едва различимого шипения.

— Батя стрялся. Прижал меня за завтраком к стенке. Мы сливаемся с холдингом Волкова, и этот старый интриган решил закрепить сделку самым тупым способом из возможных — женить меня на Еве Волковой.

Тёма тихо прыскает от смеха, прикрыв рот ладонью.

— На Еве? Жесть. Сочувствую, бро. Она же фригидная, как кусок мрамора, и тупая, как пробка.

— Вот именно. Я ляпнул отцу, что у меня уже есть девушка. И что я ее типа люблю до потери пульса.

— О-о-о... — тянет друг. — И что теперь?

— Завтра семейный ужин. Мне нужно притащить туда идеальную девушку.

— Да в чем проблема? — Тёма обводит взглядом аудиторию. — Посмотри, сколько тут цыпочек. Вон, к любой подойди, предложи полтинник баксов или сумку от Прада, она тебе такую любовь Джульетты сыграет, батя обрыдается от умиления.

— Тём, ты моего отца знаешь? — я скептически выгибаю бровь. — Он ее раскусит на первой же минуте. Ему нужна приличная девушка. Которая сможет поддержать с ним светскую беседу о девелопменте и архитектуре, а не только трещать про скидки на косметику в «Золотом Яблоке». Эти силиконовые долины отпадают сразу.

— Ну... — Тёма задумчиво чешет затылок. — Найди какую-нибудь ботаничку. Их тут полно. Дай ей денег, приодень.

Я тихо смеюсь, представив эту картину.

— Ага. Да эти отличницы от меня по коридорам шарахаются. Они от страха перед моим отцом завтра двух слов связать не смогут, в обморок прямо в тарелку с устрицами грохнутся. Нет, тут нужна с мозгами и с яйцами одновременно. А таких в природе не существует.

Звенит спасительный звонок. Я подхватываю рюкзак и первым вываливаюсь из аудитории, мечтая просто запрыгнуть в тачку и свалить подальше.

Но в коридоре меня тут же перехватывают.

— Дави-и-ид, малыш!

Запах приторных духов бьет по обонянию раньше, чем на моей шее повисают тонкие руки. Кристина.

— Привет, Крис, — я мягко, но настойчиво отцепляю ее руки от себя.

— Почему ты такой занятой постоянно? — она надувает накрашенные губы, прижимаясь грудью к моей руке. — Вчера не приехал, сегодня даже не смотришь на меня.

— Просто устал. Дома проблемы, отец мозг выносит, — честно отмазываюсь я, надеясь, что она отвяжется.

Но Кристина хищно улыбается.

— А я знаю, как тебе помочь расслабиться, — мурлычет она, хватая меня за воротник рубашки и резко, с неожиданной силой тянет за собой в приоткрытую дверь женского туалета.

Сопротивляться? Да ну к черту. Гормоны берут свое. Я

молодой здоровый парень, а Кристина... ну, она определенно умеет делать так, чтобы мужик отключил мозг.

Дверь за нами захлопывается. Она с ходу запрыгивает на мраморную столешницу между раковинами, бесстыдно задирая юбку, и впивается в мои губы. Я отвечаю на поцелуй, прижимая ее к себе, сжимая пальцами талию. Девочка классная. Горячая, доступная. Но в голове назойливо пульсирует мысль: «Одноразка. Скучно. Бездушно». Никакой искры, просто механика.

Бабах!

Дверь в туалет с грохотом влетает в стену.

Мы резко отрываемся друг от друга. Кристина тяжело дышит, ее глаза раздраженно вспыхивают. Я медленно поворачиваю голову, готовясь обложить матом того идиота, который не умеет стучать.

И замираю.

На пороге стоит она. Та самая ненормальная, которую я чуть не размазал по парковке час назад.

Узнаю этот уродливый, безразмерный шарф и дешманское пальто. Она вцепилась побелевшими пальцами в свой тубус, грудь тяжело вздымается. Но цепляет не это.

Ее глаза.

Огромные, прозрачно-синие. Сейчас в них плещется столько отчаяния и боли, что мне на секунду становится не по себе. Вблизи она оказывается до одури красивой — естественной, нетронутой скальпелями и филлерами красотой.

Милая, бледная мордашка, острые скулы, растрепанные волосы.

Только вот глаза такие печальные, словно у нее мир прямо сейчас рухнул.

— Кабинкой ошиблась? — бросаю я с привычной ленивой хрипотцой, стирая с губ помаду Кристины.

— Искала место, где не так воняет фальшивкой, — выплевывает девчонка.

Ого. А мышка, оказывается, с зубами. Голос дрожит, по щеке катится слеза, которую она отчаянно пытается скрыть, но смотрит она на меня с чистой, неразбавленной ненавистью. Меня прошибает странная дрожь — то ли от ее смелости, то ли от того, насколько она настоящая в эту секунду.

Кристина начинает язвить, поливать ее грязью из-за какого-то гранта. Я стою молча, внимательно сканируя девчонку. Архитектурный. Умная. Дерзкая.

— Твой проект? — девчонка нервно смеется, вытирая мокрые щеки. — Кристина, ты не отличишь несущую стену от гипсокартона. Ты купила этот грант!

В яблочко. Я мысленно аплодирую.

Кристина высокомерно фыркает и тянет меня к выходу: — Пойдем, Давид. Тут нищетой пахнет.

Я позволяю увести себя, но перед тем, как выйти, бросаю на девчонку последний взгляд. Она выглядит сломленной, но в ее позе нет покорности.

Мы идем по коридору, Кристина что-то шепчет мне на

ухо, а я ее не слышу. Шестеренки в моей голове начинают бешено крутиться.

Значит, она будущий архитектор. У нее проблемы с деньгами из-за гранта. И она до чертиков ненавидит фальшь. Идеально. Просто, мать вашу, идеально.

Кажется, я только что нашел себе невесту на завтрашний ужин. Осталось только придумать, как заставить эту колющую мышку плясать под мою дудку.

Глава 6

Загородный дом Волконских больше похож на декорации к фильму про развратную жизнь элиты. Три этажа стекла и бетона, неоновая подсветка у бассейна и басы тупой, долбящей по мозгам клубной музыки, от которой вибрирует пол.

Я протискиваюсь сквозь толпу потных, разгоряченных тел, крепко сжимая поднос с бокалами. Вокруг пахнет дорогим парфюмом, элитным алкоголем и чем-то сладковато-дымным. Золотая молодежь отдыхает. Родители Кристины укатили за границу, оставив особняк в полное распоряжение любимой доченьки, и теперь здесь творится локальный филиал Содома.

— Эй, киса, плесни-ка еще, — чья-то потная рука в золотых часах тянется к моему подносу.

Я молча подставляю бокал. Парень, едва стоящий на ногах, вдруг шуруется, вглядываясь в моё лицо.

— Стоп... А ты случайно не с нашего потока? Архитектурный, да? Лицо знакомое.

— Случайно нет, — холодно чеканю я, отдергивая поднос.

Сзади кто-то гогочет, а я быстро ныряю в толпу, пока пьяный мажор не решил обидеться.

Возле барной стойки — эпицентр внимания. Звезда вечера. Кристина вырядилась в ярко-розовое мини-платье, ото-

роченное какими-то нелепыми перьями, на ногах — высокие шпильки. Она похожа на гламурного фламинго. Вокруг нее выются такие же нафуфыренные подружки в пайетках, они синхронно дрыгаются в такт музыке, снимая друг друга для сторис.

Я только закатываю глаза. Господи, какой цирк.

Юркнув в спасительную прохладу кухни, где суется остальная прислуга, я прислоняюсь к металлическому холодильнику и достаю телефон. Гудки идут долго.

— Алло, Верочка? — голос бабушки звучит тихо, но ровно.

— Ба, привет. Ты как? Таблетки выпила?

— Выпила, внуча, выпила. Всё хорошо. Сiju вот, сериал смотрю, чай пью. Ты там как? Когда придешь-то? Опять до ночи со своими чертежами?

— К десяти буду, Ба. Ложись спать, не жди меня, — я стараюсь, чтобы голос звучал бодро и беспечно. — Целую.

Сбросив вызов, я делаю глубокий вдох. Ради неё. Только ради неё я сейчас пойду и сделаю это.

Я выхожу обратно в холл, намереваясь проскользнуть к лестнице на второй этаж. И тут же спотыкаюсь взглядом о него.

Давид.

Он стоит у панорамного окна, засунув руки в карманы тёмных брюк. Кристина виснет на его плече, что-то щебеча прямо в губы, но его взгляд — тяжелый, темный, пронзи-

тельный — устремлен прямо на меня сквозь толпу.

Внутри всё сжимается. Мы смотрим друг на друга несколько долгих секунд. Я едва заметно качаю головой, резко отворачиваюсь и скольжу к лестнице.

Второй этаж встречает меня полумраком и приглушенными звуками тусовки. Здесь тихо. Идеально.

Так, где спальня этой идиотки?

Осторожно толкаю первую дверь. Пусто. Плакаты с машинами, разбросанные джойстики, мощный комп — явно берлога младшего брата. Идем дальше.

Возле третьей двери я замираю. Оттуда доносятся звуки. Слишком характерные, влажные шлепки кожи о кожу и низкие, протяжные стоны.

Мое сердце ухает в пятки. Я чуть приоткрываю дверь, ровно на щель.

Полумрак. На широкой кровати, вцепившись пальцами в смятые простыни, лежит блондинка с выдающимися формами. Обхватив её бедра мощными руками в неё, вколачивает мощными толчками мускулистый парень. Девушка запрокидывает голову, её грудь тяжело вздымается, а изо рта вырываются жаркие, непристойные крики удовольствия. Она кайфует. Она полностью растворилась в этом животном ритме.

Я стою, как прикованная. Смотрю на эту пульсирующую страсть, на сплетение тел, и дышать становится тяжело.

Временами я убеждаю себя, что мне это не нужно. Что я

выше этого. Я заковала себя в железобетонный панцирь из проблем, долгов и чертежей. Я никогда не обсуждала с Лорой парней, отмахиваясь от её историй про первые поцелуи и свидания. «Мне некогда», — всегда говорила я.

Но сейчас, глядя на них, я чувствую, как трещит мой грёбаный панцирь. Потому что я живая. Мне двадцать. Я такая же девчонка, и где-то глубоко внутри я до одури хочу быть слабой. Хочу оказаться в сильных руках, которые прижмут меня к кровати. Хочу чувствовать себя желанной, красивой. Хочу, чтобы от меня вот так же теряли голову. Хочу секса, черт возьми. Настоящего, срывающего крышу.

Но не сейчас. Сначала — грант. Сначала — работа. Будущее. Мужчины — потом.

Девушка за дверью вдруг выгибается дугой, её крик переходит в пронзительный, дрожащий визг финала.

Я резко захлопываю дверь. Приваливаюсь спиной к стене, чувствуя, как горят щеки. Внизу живота туго скручивается горячий, пульсирующий узел. Тело предательски отзывается на увиденное, между бёдер становится влажно.

— Соберись, Вера, — зло шепчу я себе, отлепляясь от стены.

Следующая дверь в конце коридора. Толкаю её.

Розовые обои, пушистые ковры, куча косметики на туалетном столике. Спальня Кристины.

Я бросаюсь к кровати, на которой небрежно валяется серебристый макбук. Открываю крышку. Экран приветливо

вспыхивает, требуя пароль. Я на секунду замираю, а потом нажимаю «Enter».

Система пускает меня на рабочий стол. Никакого пароля.

— Какая же ты тупая идиотка, — выдыхаю я с облегчением.

Быстро щёлкаю по папкам. «Учёба», «Фотки», «Архитектура». Пальцы дрожат, летая по тачпаду. Времени в обрез. Вот она, папка с проектом. Открываю свойства файла...

Звук шагов в коридоре я не слышу из-за музыки снизу.

Но я отчетливо вижу, как ручка двери медленно, со скрипом, опускается вниз.

Дверь начинает открываться.

Глава 7

— Давид, ты вообще меня слушаешь? — Кристина обиженно дергает меня за рукав рубашки. — Я говорю, купила новый комплект от «Agent Provocateur». Черное кружево, всё прозрачное... Специально для тебя.

— Мгу, — лениво бросаю я, делая глоток виски.

Мой взгляд скользит поверх её идеальной салонной укладки, сквозь толпу пьяных мажоров, и намертво цепляется за девчонку в белой рубашке и черном фартуке.

Мышка.

Она лавирует с подносом, отшивая какого-то придурка с нашего потока. Узнаю этот затравленный, но до одури гордый взгляд. Парковка. Женский туалет. А теперь — вечеринка Кристины. Это уже не просто совпадение. Это судьба, девочка.

Я вижу, как она замечает меня. Наши взгляды сталкиваются на секунду. Она с отвращением качает головой, словно я кусок грязи на её ботинке, резко отворачивается и скользит к лестнице.

А она дерзкая. Как я люблю.

— Крис, я отойду. Нужно ответить отцу, — скидываю руку Волконской со своего плеча и, не обращая внимания на её возмущенный писк, иду следом за девчонкой.

На втором этаже полумрак и относительно тихо. Я бес-

шумно замираю в тени коридора, сливаясь со стеной, и наблюдаю

Мышка крадется, как заправский шпион. Открывает одну дверь — мимо. Идет ко второй. Приоткрывает.

Я знаю, кто там. Артём потащил туда какую-то первокурсницу полчаса назад.

Девчонка замирает у щели. Секунда. Вторая. Я вижу, как напрягаются её плечи. А потом она резко захлопывает дверь и тяжело приваливается спиной к стене.

Даже отсюда, в тусклом свете настенных бра, я вижу, как полыхают её щеки. Густой, яркий румянец заливает лицо. Кожа кажется невероятно нежной, бархатистой, словно у спелого персика — так и хочется провести костяшками пальцев, чтобы проверить. Она судорожно сглатывает, прикрыв глаза, грудь под белой униформой часто вздымается.

До меня доходит не сразу. А когда доходит — бьет под дых.

Мышка возбудилась. Правильную, колючую девочку накрыло от чужого стона за дверью.

От этой мысли внизу моего живота вдруг тяжело и жарко дергает. Блядь. Только этого не хватало.

Она отлипает от стены, мотает головой, словно отгоняя наваждение, и озираясь, ныряет в следующую комнату — спальню Кристины.

Так-так. А вот это уже интересно. Что забыла наша золушка в логове злой мачехи?

Я в несколько широких шагов преодолеваю коридор. Бесшумно поворачиваю ручку и толкаю дверь.

Она стоит, согнувшись над макбуком Волконской. Пальцы лихорадочно стучат по тачпаду, лицо светится в отблеске экрана.

— Решила прихватить хозяйское серебро, мышка? — произношу я с ленивой хрипотцой, прислонившись плечом к косяку.

Она вздрагивает так, будто в неё выстрелили. Резко оборачивается, инстинктивно прикрывая собой экран. Синие глаза расширены от ужаса, но уже через секунду в них вспыхивает чистая, неразбавленная ярость.

— Что тебе надо, Монахов? — шипит она, как рассерженная кошка.

Я медленно закрываю за собой дверь. Щелчок замка в тишине комнаты звучит оглушительно.

— Мне? Ничего, — я делаю шаг к ней. Медленный, хищный. — А вот что ты забыла в чужом ноуте? Ищешь домашнее порно Кристины?

— Ищу доказательства того, что она тупая воровка, — выплевывает девчонка, гордо вздернув подбородок. Она не отступает ни на миллиметр.

Я подхожу вплотную. Вжимаю её бедрами в край стола. Она мелкая, макушкой едва достает мне до носа, но смотрит снизу вверх так, словно готова перегрызть мне горло.

— Знаешь, что бывает с теми, кто роется в чужих вещах?

— я нависаю над ней. — Один мой крик — и охрана вышвырнет тебя отсюда. Засудят так, что до конца жизни будешь долги отрабатывать.

— Ори, — она сжимает кулаки и упирается ими мне в грудь, пытаясь оттолкнуть. Тщетно. Я как скала. — Давай! Защищай свою силиконовую подружку. Вы же стоите друг друга. Два зажавшихся мажора!

Я цинично усмехаюсь. Аж грудину ломит от удовольствия. Обожаю, когда сопротивляются.

— Как тебя зовут, катастрофа?

Она моргает, сбита с толку резкой сменой темы.

— Вера.

— Так вот, Вера, — я наклоняюсь к самому её лицу. От неё пахнет чем-то нежным, простым. — У меня есть предложение получше. Я молчу про твой хакерский взлом. Более того, я лично прослежу, чтобы Волконскую стерли в порошок, а грант вернули тебе.

Её глаза сужаются.

— А взамен?

— Взамен завтра вечером ты надеваешь приличное платье и едешь со мной на семейный ужин. Играть мою любимую, потрясающую девушку перед моим отцом-диктатором. Соглашайся, и мы в расчете.

Вера открывает рот, чтобы послать меня ко всем чертям, но в этот момент с первого этажа доносится громкое цоканье каблучков.

— Дави-и-ид! Малыш, ты где? — капризный голос Кристины раздается уже на лестнице.

Глаза Веры округляются от паники. Она понимает: если хозяйка зайдет сюда сейчас — это конец. Никакого гранта. Полиция. Позор.

Я реагирую мгновенно. Хватаю её за плечи и одним рывком разворачиваю к огромному встроенному шкафу-купе. Откатываю зеркальную дверцу.

— Быстро внутрь, — команду жестко, впихивая её в пахнущую дорогим парфюмом темноту. — Я уведу её отсюда. Но только если мы договорились. По рукам?

Шаги уже в коридоре.

— Давид?! — голос Кристины звучит совсем близко.

Вера смотрит на меня из темноты шкафа. В её синих глазах — смесь бешеной ненависти и загнанного отчаяния. Она понимает, что я прижал её к стенке. Капитально.

Она судорожно кивает.

— По рукам, Монахов.

Я хищно улыбаюсь, плотно задвигая створку шкафа прямо перед её носом.

— Ты мне должна, мышка.

Глава 8

Утро встречает меня запахом корвалола и подгоревшей овсянки.

Я затягиваю пояс старого халата и выхожу на кухню. Зоя Ивановна сидит за столом, медленно перебирая какие-то квитанции.

— Доброе утро, Ба. Как ты себя чувствуешь? — я наливаю чай, стараясь, чтобы голос звучал бодро.

— Да неплохо, внуча, всё хорошо, — она тепло улыбается, откладывая бумажки. — А что мне надо? Таблетки еще есть, ты у меня умница, радуешь глаз. Как там грант-то твой? Могу гордиться своей внучкой?

У меня внутри всё сжимается в ледяной ком.

— Ой, бабуль, еще нет результатов, — вру я, не моргнув глазом, и отворачиваюсь к раковине, чтобы она не увидела моего лица. — Комиссия задерживает решение.

— Ну ничего, подождем. Твой проект самый лучший, я уверена.

Я поворачиваюсь и внимательно смотрю на нее. Бабушка бодрится, но я замечаю то, о чём она молчит: её дыхание сегодня слишком поверхностное, а носогубный треугольник едва заметно отликает синевой. Сердце опять дало сбой. Мои ногти впиваются в ладони так, что остаются полумесяцы. Я промолчу. Сейчас не время для паники.

Спустя полчаса я натягиваю свое безразмерное пальто, заматываюсь в дурацкий шарф и перехватываю тубус. Телефон в кармане вибрирует. Сообщение от Лоры:

«Верка, ты сегодня снова в "Формате" после пар? Давай забей хоть на день, погнали в кафешку, поболтаем! У меня столько новостей!»

Я криво усмехаюсь. Какие к черту кафешки? Если бы Лора знала, с кем я сегодня «болтаю» вечером, она бы поперхнулась своим латте. Семейный ужин у Монаховых. Зачем я только согласилась на этот бред?

Я толкаю тяжелую подъездную дверь и выхожу на улицу. Осенний ветер тут же забирается под пальто.

И тут я замираю.

Прямо поперек тротуара, перегородив выезд со двора, припаркован знакомый чёрный матовый «Порше». Тонированное стекло плавно ползёт вниз.

— Мышка, я так и знал, что ты опять напялишь своё уродливое пальто, — лениво тянет Монахов, не снимая солнцезащитных очков. — Прыгай в машину.

— Куда? — я хмурюсь, плотнее прижимая к себе тубус. — Мне на пары надо.

— Пары подождут. Поедем купим тебе нормальное, красивое платье. Так уж и быть, после ужина я его тебе подарю, если всё гладко пройдет, — он кивает на пассажирское сиденье. — Прыгай, замёрзнешь. У нас с тобой уговор. Я найду компромат на Кристину. А ты сегодня играешь мою де-

вушку.

Я закатываю глаза, но холодный ветер отрезвляет. Делать нечего. Дёргаю ручку и падаю на мягкую кожу сиденья.

В салоне тепло и пахнет так... что хочется закрыть глаза. Дорогая кожа, легкие нотки табака и терпкий, древесный мужской парфюм Давида. На фоне этого великолепия мои дешевые духи из масс-маркета за триста рублей кажутся вонючим освежителем воздуха. Мне становится физически некомфортно. Я вжимаюсь в дверь, стараясь занимать как можно меньше места.

Мотор не заводится.

Я сижу прямо, уставившись на залитое серым светом лобовое стекло, но каждой нервной клеткой чувствую — он смотрит.

Тишина растягивается, становится густой, почти осязаемой. Я не выдерживаю и резко поворачиваю голову.

Давид сидит вполоборота, небрежно закинув руку на руль. На нем черная водолазка, обтягивающая широкие плечи, и темное пальто. И он открыто, не таясь, изучает меня в профиль. В его темных глазах нет ни насмешки, ни высокомерия — только тяжелый, сканирующий интерес. Взгляд скользит по моему лицу, задерживается на губах, опускается к дурацкому объемному шарфу и растянutoму пальто.

От этого откровенного, раздевающего внимания вдоль позвоночника прокатывается горячая волна.

— Долго будешь пялиться? — мой голос звучит тише, чем

я планировала. И предательски хрипло.

— Пытаюсь понять, — он чуть склоняет голову набок, его голос низким бархатом вибрирует в тесном пространстве машины. — Какая ты на самом деле, мышка. Позавчера в туалете ты готова была перегрызть глотку Кристине. А сейчас вжалась в сиденье так, будто боишься испачкать мне салон.

Я нервно сглатываю. Щёки вспыхивают, но я упрямо вздёргиваю подбородок, встречая его взгляд.

— Я не боюсь. Мне просто некомфортно. Это не мой мир, Монахов.

Давид медленно усмехается. Уголок его губ ползет вверх, и в глазах вспыхивает искра. Он плавно отворачивается, нажимает кнопку зажигания, и мотор отзывается мощным рыком. Мы плавно выкатываемся из моего убогого двора на проспект.

— Расслабься, — бросает он, глядя на дорогу. — Никто не заставляет тебя этот мир любить. Тебе нужно просто сыграть роль.

Я крепче прижимаю к себе тубус.

— И что конкретно я должна делать сегодня? И вообще, зачем тебе весь этот цирк? Разве мажоры вроде тебя не могут просто послать родителей к черту?

Давид тормозит на светофоре. Поворачивает голову, и наши взгляды снова скрещиваются. Внутри машины словно искрит оголенный провод.

— Мой отец — диктатор, Вера, — ровным, почти ледя-

ным тоном произносит он. — Он помешан на бизнесе и хочет слияния с холдингом Волкова. И чтобы закрепить сделку железобетонно, заставляет меня жениться на дочери партнёра — Еве.

— И что? Это же просто брак по расчёту. У вас так принято, — фыркаю я, пытаюсь удержать сарказм.

— Я не собираюсь спать с куском пластика ради процентов по акциям, — Давид жестко перехватывает руль. Зеленый. Машина срывается с места. — Позавчера утром я ляпнул отцу, что у меня уже есть девушка. Умная, серьезная, с архитектурного. И что я, якобы, влюблён.

— Какая глупость.

— Согласен, — он кидает на меня быстрый, обжигающий взгляд. — Но ты идеально подходишь под описание. Твоя задача сегодня — не казаться идиоткой, если отец начнет спрашивать про архитектуру, и убедительно сыграть искреннюю симпатию ко мне.

— Искреннюю симпатию? К тебе? — я нервно смеюсь. — Монахов, я тебя терпеть не могу.

— Тем интереснее будет смотреть, как ты стараешься, — он нагло ухмыляется, и эта улыбка чертовски ему идёт.

Я шумно втягиваю воздух, чувствуя, как колотится сердце.

— Я выросла в хрущёвке и выживаю на копейки, Давид. Я отыграю эту роль, потому что мне нужен грант, чтобы оплатить бабушке операцию. Но не жди, что я буду млеть от тво-

их комплиментов вне сценария.

Он вдруг тянется свободной рукой и бесцеремонно выхватывает мой тубус.

— Эй! Отдай! — я дергаюсь за ним, почти ложась грудью на подлокотник.

— Вечно ты в него вцепляешься, как в спасательный круг, — Давид тихо смеется, легко отводя руку с тубусом назад и бросая его на заднее сиденье. — Расслабься, катастрофа. Никто не украдет твои гениальные чертежи.

Я откидываюсь обратно на сиденье, тяжело дыша. Он слишком близко. От него слишком вкусно пахнет. И то, как он назвал меня «катастрофой», звучит до одури... мягко?

— Мы приехали, — обрывает он мои мысли, ловко паркуя машину у огромного стеклянного торгового центра.

Давид глушит мотор, поворачивается ко мне и его взгляд снова становится тёмным, скользящим.

— А теперь пойдём, мышка. Будем делать из тебя девушку, от которой я потерял голову.

Элитный бутик встречает нас слепящим светом софитов, лёгким запахом дорогого парфюма и тихой, ненавязчивой лаунж-музыкой.

Я нервно переступаю порог, чувствуя себя так, словно пришла на прием к английской королеве в галошах. Вышколенные консультанты с идеальными укладками скользят по мне профессионально-оценивающими взглядами. Я буквально читаю бегущую строку на их лицах: «Дешевое паль-

то, стоптанные ботинки, ноль на кредитке».

Но стоит им заметить Давида, как их лица мгновенно расплываются в таких медовых улыбках, что у меня начинает сводить скулы.

— Доброе утро, Давид Эдуардович! Рады видеть вас снова, — щебечет старшая администратор, чуть ли не кланяясь.
— Чем можем помочь?

— Подберите девушке что-нибудь для вечернего ужина в ресторане, — командует Монахов, по-хозяйски падая на бархатный диван цвета изумруда и закидывая ногу на ногу.
— Что-то приличное. Но чтобы не выглядела как монашка.

Я возмущенно вспыхиваю, но консультанты уже берут меня в оборот. Мне начинают тащить вешалки. Давид бракует всё с видом заскучавшего римского императора.

— Слишком коротко. Мой отец решит, что я подобрал её на трассе, — отмахивается он от золотистого мини.

— Давид! — шиплю я сквозь зубы.

— А это что за похоронный саван? — он критично оглядывает черное закрытое платье, которое мне, вообще-то, даже понравилось. — Убирайте. Ещё варианты.

Я стою посреди зала, скрестив руки на груди, и морщусь от каждого нового предложения. Пайетки, перья, декольте до пупка... Всё это такое чужое, искусственное. Я чувствую себя куклой, которую наряжают для дурацкого спектакля.

И тут одна из девушек выносит его.

Красное платье. Оно не кричит о себе блёстками или пош-

лой открытостью. Глубокий, благородный винный оттенок, длинные узкие рукава, длина строго до колена. Но крой такой, что сразу понятно — ткань будет струиться по телу, как вода, а элегантный вырез на спине добавит той самой искры. К нему консультант аккуратно ставит чёрные лаковые лодочки на невероятно тонкой, изящной шпильке.

Давид прищуривается. Его взгляд медленно скользит по красному шёлку, а потом переходит на меня.

— Классно, — он удовлетворенно кивает. — Не блядушно, но элегантно. То, что нужно. Примерь его.

Я молча выхватываю вешалку из рук консультанта и чеканным шагом направляюсь к примерочным. Краем глаза замечаю движение — Монахов невозмутимо поднимается с дивана и идёт следом.

У самой кабинки я резко разворачиваюсь и упираюсь свободной рукой ему прямо в грудь. Под тонкой тканью черной водолазки перекачиваются твердые мышцы. От неожиданности я чуть не отдергиваю пальцы, но заставляю себя стоять на месте.

— Эй, ты куда собрался? — я сурово хмрю брови. — Я сама справлюсь.

Он нависает надо мной, опираясь рукой о косяк примерочной, и нагло, обезоруживающе ухмыляется.

— Чего ты там прячешь, мышка? Стесняешься?

— Размечтался, шизик, — фыркаю я, вырывая тяжёлую бархатную шторку из его пальцев, и с силой задёргиваю её

прямо перед его носом.

Оказавшись внутри, я шумно выдыхаю.

— Ненавижу мажоров, ненавижу каблуки, ненавижу гранты... — тихо бормочу я, скидывая свое уродливое пальто и старые джинсы.

Стараюсь не смотреть на ценник платья, чтобы не упасть в обморок прямо здесь. С горем пополам справляюсь со скрытой молнией на боку — платье садится туго, обхватывая талию и бёдра так плотно, словно его шили прямо на мне.

Затем обуваю туфли. Ноги с непривычки чуть дрожат на такой высокой шпильке.

Я выпрямляюсь. Делаю глубокий вдох и поднимаю взгляд на огромное зеркало.

Слова застревают в горле.

Из зеркала на меня смотрит... не Вера. Не та замученная девчонка из типографии с синяками под глазами. Красный шёлк идеально облегает мою точёную фигуру, подчёркивая каждый изгиб, каждую линию, о которых я сама раньше не задумывалась. Ткань на груди лежит так правильно, а талия кажется невероятно тонкой. Каблуки вытягивают ноги, заставляя осанку стать по-королевски прямой.

Но главное — это цвет. На фоне красного моя бледная кожа кажется фарфоровой, а глаза горят таким пронзительным, глубоким синим цветом, что я сама себя пугаюсь.

Я красивая. Чёрт возьми, я действительно красивая.

Сердце начинает биться чаще. Я поправляю волосы, ко-

которые рассыпались по плечам, натягиваю на лицо маску холодного равнодушия и, отодвинув бархатную штору, делаю шаг наружу.

Стук шпильки по плитке звучит в тишине зала слишком громко.

Давид сидит на пуфике напротив примерочных, лениво листая что-то в своём последнем айфоне. Услышав шаги, он поднимает голову.

И замирает.

Его палец так и остается висеть над экраном. Телефон медленно опускается на колени.

Взгляд Давида... он меняется мгновенно. Из насмешливого и ленивого он становится тёмным, вязким, почти осязаемым. Монахов медленно, мучительно долго скользит глазами по моим туфлям, поднимается по линии икр, задерживается на изгибе бёдер, обтянутых красным шёлком, скользит по талии и, наконец, встречается с моими глазами.

В идеальной тишине дорогого бутика я отчетливо вижу, как дергается его кадык. Он судорожно, тяжело сглатывает.

И молчит.

Глава 9

Бархатная шторка примерочной резко откидывается в сторону, и стук тонкой шпильки бьет по моим натянутым нервам. Я поднимаю голову от экрана телефона и... зависаю.

Блядь.

Палец так и остается висеть над экраном, а телефон сам собой опускается на колени. Воздух в лёгких внезапно заканчивается.

Мой взгляд против воли медленно, мучительно долго ползёт снизу вверх. От этих чёртовых лаковых туфель по бесконечно длинным, стройным ногам. Выше, к крутому, аппетитному изгибу бёдер, которые красный шёлк обтягивает так, что хочется немедленно сжать их ладонями. Дальше — осиная талия. И, сука, красивая грудь. Аккуратная, упругая двоечка, которая сейчас вздымается от её частого, сбитого дыхания. Тонкие ключицы, хрупкие плечи, которые так и просят мужских рук...

И, наконец, лицо.

Щёчки, словно нежный персик, залиты лёгким, волнующим румянцем. А глаза... эти огромные, прозрачно-синие омуты смотрят на меня с вызовом, но я вижу в них тщательно скрываемую панику.

Она настоящая красавица. Без всякого тюнинга, пластики и тонны штукатурки. Просто чистая, природная порода.

В идеальной тишине дорогого бутика я судорожно сглатываю, чувствуя, как пересыхает в горле.

Я медленно поднимаюсь с пуфика. Делаю шаг. Второй. Подхожу к ней вплотную. От неё пахнет чем-то свежим, неуловимо-сладким, и этот запах бьёт по мозгам почище крепкого виски.

Не сдержавшись, я кладу ладонь ей на талию и по-хозяйски притягиваю к себе.

— Эй! — тут же шипит Вера, дёрнувшись, и упирается холодными ладошками мне в грудь. — Руки убрал!

— Расслабься, мышка, — ухмыляюсь я, склоняясь почти к самым её губам. — Мы же репетируем. Ты сегодня моя девушка. Привыкай к тактильности.

Она закатывает свои невероятные глаза, но не отстраняется, обжигая мой подбородок своим дыханием.

— Я твоя девушка только с той секунды, как переступлю порог ресторана. А пока — дистанцию держи, Монахов.

От её дерзости, от этого лёгкого трения её бедра о мои джинсы я вдруг чувствую, как мой член призывно и тяжело дёргается. Твою мать. Только этого не хватало.

Вера всё-таки отталкивает меня, делая шаг назад. Поправляет невидимую пылинку на идеальном платье, пытаюсь скрыть дрожь в руках.

— Ну что? Берём это платье?

— Берём, — киваю я. Ухмылка так и не сходит с моего лица.

Мы оплачиваем счёт — от суммы на терминале у Веры предсказуемо округляются глаза, но она благоразумно молчит. Переодевшись обратно в свою броню из дешманского пальто, она забирает фирменный пакет.

Мы выходим на улицу. Осенний ветер тут же бьёт в лицо, остужая мой пыл.

— Ну всё, пока, — бросает она, поправляя свой дурацкий объемный шарф. — Во сколько я должна быть возле твоего дома?

Я тихо смеюсь, нажимая кнопку на брелоке. Фары «Порше» приветственно вспыхивают. Я обхожу капот и открываю перед ней пассажирскую дверь.

— Встреча будет в ресторане. Я заеду за тобой.

Вера отступает на шаг, крепче прижимая к себе пакет с платьем.

— Спасибо, я на автобусе доберусь. Просто скинь адрес.

— Садись в машину, Вера. Я не буду к тебе приставать, — я опираюсь рукой о крышу тачки, с интересом разглядывая эту упрямую девчонку.

— Ой, да неужели? — фыркает она, гордо вздёрнув подбородок. — А в магазине у тебя, видимо, был приступ неконтролируемой дружелюбности? Твои руки слишком быстро находят чужие талии, Монахов. Боюсь за свою сохранность в закрытом салоне.

— Я трогаю только те талии, которые этого стоят, — парирую я, медленно, с намеком скользя взглядом по её губам. —

Боишься, что не удержишься и сама на меня набросишься?

Он тяжело вздыхает, закатывает глаза и подходит к машине.

— Ладно. Твоя взяла.

Я захлопываю за ней дверь. Иду к водительскому месту, чувствуя, как внутри разливается горячее, хищное удовлетворение.

«Ох, девочка... кажется, ты попала».

Глава 10

— Останови здесь. За квартал до универа, — сухо командую я, когда знакомые корпуса начинают маячить на горизонте.

Давид плавно жмет на тормоз, припарковываясь у обочины. Поворачивает голову и одаривает меня своей фирменной, слегка ленивой ухмылкой.

— Боишься, что мой преданный фан-клуб испортит твоё эксклюзивное пальто, мышка? Расслабься, я бы тебя в обиду не дал.

— Боюсь, что меня стошнит от количества завистливых взглядов, — я закатываю глаза, забираю пакет с платьем с заднего сиденья и дергаю ручку двери. — До вечера, Монахов.

Я выскакиваю наружу и с силой захлопываю дверь. Черный «Порше» с низким рыком срывается с места, окатив мои ботинки брызгами из лужи.

На улице мерзко. Моросит мелкий, колющий осенний дождь, пробираясь ледяными иглами прямо под воротник. Я плотнее кутаюсь в пальто и, стуча зубами, вынужденно признаю: в теплой, пахнущей дорогой кожей и терпким парфюмом машине было куда лучше. Монахов был прав, а я просто упрямая идиотка.

Едва я успеваю переступить порог университета и страх-

нуть воду с волос, как на меня налетает ураган по имени Лора.

— Верка! Мать моя женщина, ну наконец-то! — она хватает меня под руку, утаскивая в поток студентов. — Как вчера отработал? Кристинка сильно кровь пила? Слушай, а я вчера с таким парнем на сайте знакомств списалась! Он меня сегодня зовёт в ту новую кофейню в центре. Представляешь, у него фотка с лабрадором...

Лора трещит без умолку, а я... я её не слышу. Звуки долетают как сквозь вату.

Перед глазами, словно заевшая пленка, крутится один и тот же момент. Полумрак примерочной. И его тяжелый, обжигающий взгляд, медленно скользящий по моим ногам. Я снова, почти физически, ощущаю, как его большая горячая ладонь ложится на мою талию, притягивая к себе.

Почему мне так запало это в душу? Почему кожа до сих пор горит там, где он коснулся?

Внезапно чужая рука опускается мне на плечо.

Я отпрыгиваю в сторону с такой скоростью, словно меня ударило током. Сердце ухает в горло.

Передо мной стоит Давид. В своем черном пальто, небрежно расслабленный, дьявольски красивый. В руках он держит мой черный пластиковый тубус.

— Ты забыла, мышка, — произносит он с легкой, до одури кокетливой ухмылкой, протягивая мне пластиковую трубу.

Его голос звучит негромко, но в шумящем коридоре по-

висает гробовая тишина. Я чувствую на себе десятки ошарашенных взглядов. Давид подмигивает мне, разворачивается и неспешным шагом уходит вдаль по коридору, словно ничего не произошло.

У Лоры отваливается челюсть. Она медленно переводит взгляд с удаляющейся широкой спины Монахова на меня, затем на тубус, а потом — на пакет элитного бутика в моей руке.

— Что... это... сейчас... было?! — шипит она, хватая меня за локоть мертвой хваткой, волоча в сторону женского туалета.

Она заталкивает меня внутрь, проверяет кабинки и запирает дверь на защелку.

— Вера! Вы что... с Монаховым?! И это что, пакет из «Элизы»?! Он тебе шмотки покупает?!

Я чувствую, как мои щеки заливает краска. Наверное, сейчас они одного цвета с тем платьем в пакете.

— Да тише ты! Не кричи! — я зажимаю ей рот ладонью. — Всё не так, как ты думаешь!

Выдохнув, я быстро, скомкано вываливаю на неё всё. Про спальню Кристины, про украденный грант, про шантаж и сделку с фиктивным ужином. К концу моего рассказа Лора сидит на подоконнике с круглыми, как блюдца, глазами.

— Охренеть... — выдыхает она. — Вот это сюжет. Верка, ты играешь с огнем. Монахов же... он же тебя сожрет и не подавится.

— Не сожрет. Сегодня вечером я отыграю роль, он поможет мне с грантом, и мы разойдемся, как в море корабли, — уверенно вру я сама себе.

На парах я честно пытаюсь сосредоточиться на истории архитектурных стилей, но строчки конспектов расплываются. Телефон в кармане вибрирует. Смс с незнакомого номера.

«Заеду за тобой в 18:00. Будь готова, катастрофа».

Откуда, черт возьми, он узнал мой номер?! Меня накрывает раздражение. И желание поскорее закончить сегодняшний день.

После пар я несусь домой со скоростью спринтера.

Залетаю в квартиру, на ходу скидывая пальто. На кухне пахнет куриным бульоном. Я наливаю бабушке суп, ставлю перед ней тарелку и вдруг мой взгляд цепляется за верх холодильника.

Там лежит квитанция за коммуналку. А поверх неё — несколько сиротливых монеток по десять рублей и две мятые сотенные бумажки.

В груди болезненно колет.

— Ба... это что? Это всё, что у нас осталось до моей зарплаты в типографии? — тихо спрашиваю я.

Бабушка невозмутимо дует на ложку с супом.

— Да брось, Верочка. Еда есть. А я вон косынок новых навязала. Завтра к метро схожу, постою часик, продам. Лишняя копейка будет.

— Пожалуйста, не надо! — я подлетаю к ней, падая на колени возле стула и сжимая её сухие руки. — Я работаю, у нас будут деньги! На улице ноябрь, дожди ледяные, ну куда ты пойдешь с твоим сердцем?

— Не учи бабушку жить, — она мягко, но упрямо высвобождает руки и гладит меня по голове. — Я еще крепкая. Иди давай, садись за стол и суп ешь.

Я кусаю губы, чтобы не заплакать от бессилия. Полмиллиона. Мне нужен этот грант любой ценой.

Быстро съедаю тарелку супа и бегу в ванную. Встаю под горячий душ, позволяя упругим струям смыть напряжение этого сумасшедшего дня. Нужно собраться.

Затем вооружаюсь феном и круглой расческой-брашингом. План был гениальным: сделать легкую, салонную укладку. Реальность оказалась суровее. На третьей пряди брашинг намертво запутывается в моих влажных волосах.

— Да ё-моё! — шиплю я, пытаюсь выпутать зубья.

Тяну в одну сторону, в другую — бесполезно. На глазах наворачиваются слезы. В отчаянии я дергаю так сильно, что едва не выдираю клоч волос.

— Да пошло оно всё! — в сердцах ору я, швыряя проклятую расческу в угол комнаты.

Кое-как расчесав колтуны обычной массажкой, я беру старую плойку и накручиваю легкие, небрежные волны. Получается даже лучше, чем я задумывала.

Макияж занимает пять минут — краситься мне особо нечем. Чуть румян на щеки, чтобы скрыть бледность, блеск на губы, один слой туши.

Дрожащими руками достаю красное платье. Влезаю в него. Застегиваю молнию. Обувая лодочки.

Подхожу к зеркалу и вздыхаю. Идеально.

Но тут мой взгляд падает на кровать, где валяются телефон, ключи от квартиры и блеск для губ. Сумка! У меня нет ни одного приличного клатча! Не пойду же я на встречу с отцом Монахова со своим затертым универским рюкзаком?!

Дверь в комнату тихо скрипит. На пороге появляется бабушка.

Она замирает. Её глаза изумленно расширяются.

— Батюшки... Верочка. Куда ж ты такая красивая? Неужто на свидание?

— Какое свидание, Ба, — я нервно отмахиваюсь. — У меня деловая встреча. По поводу гранта. Очень важная. Только вот... мне ключи положить некуда.

— Выглядишь ты ну просто потрясающе, внуча. Как принцесса, — бабушка качает головой, не слушая мои оправдания. Затем её взгляд цепляется за мои пустые руки. — Сумочку ищешь? А ну-ка, постой.

Она семенит в свою комнату. Я слышу, как скрипит крышка её старого сундука. Через минуту Зоя Ивановна возвращается, держа в руках нечто невероятное.

Маленькая, изящная сумочка-клатч, полностью сплетен-

ная из искусственного, но очень красивого жемчуга. Жемчужины переливаются в свете лампы, создавая потрясающий винтажный эффект.

— Ничего себе! — я благоговейно беру сумочку в руки.
— Какая красота... Откуда она у тебя?

— Сама сплела, еще лет десять назад. Увлекалась тогда, — бабушка скромно улыбается. — Всё лежала без дела, ждала своего часа. Идеально к твоему платью подходит.

— Ба... да у тебя золотые руки! — я бросаюсь ей на шею, стараясь не разрыдаться от нежности к этой потрясающей женщине.

Экран телефона на кровати внезапно вспыхивает.

«Я внизу. Выходи, мышка».

Я делаю глубокий вдох. Укладываю в жемчужный клатч телефон и ключи.

Шоу начинается.

Глава 11

Черный «Порше» плавно тормозит у сияющего огнями входа в «L'Ероque» — ресторан, где даже швейцар выглядит так, словно у него два высших образования и счет в швейцарском банке.

Я нервно сжимаю в руках бабушкин жемчужный клатч.

Давид глушит мотор и выходит первым. Обогнув капот, он открывает мою дверь и галантно, словно мы на красной ковровой дорожке, протягивает мне руку.

В свете уличных фонарей он выгл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.